

Глава 8. Музыка и танцам быть

Обсудив личность Великой Шаманки, троица обратила взоры к верхней части фрески.

В отличие от хаотичного и многолюдного изображения земли, небесная картина выглядела куда более величественно и грандиозно. Тусклая ночная тьма и звёзды служили лишь блеклым фоном по краям, в то время как в центре сияло великолепное солнце. Среди облаков, развевающихся, словно знамёна, гремел гром и сверкали молнии. Колесница, запряжённая восемью гигантскими драконами, неслась сквозь грозу, а в ней божество правило свой путь на восток, везя за собой светило.

Рассмотрев божество, Се Юньчжу немало удивился — хоть лица и не было видно, по всем признакам это был бог-мужчина.

Известная ему богиня солнца, Сихэ, «родила десять солнц и вечно омывала их в долине Ганьюань». И она, несомненно, была женщиной.

Все познания Се Юньчжу в истории и культуре были получены в подземельях. Иногда ему удавалось овладеть крайне редкими и малоизвестными фактами, но чаще всего его знания были отрывочными и бессистемными.

Он и Фу Ю посмотрели на А Си, и та, оправдывая их ожидания, заговорила:

— В китайской мифологии выделяют трёх основных богов солнца. Первая — самая известная, Сихэ. Легенды гласят, что она была матерью солнц, управляла движением светил и установила законы для мира людей.

— Но на фреске явно изображён бог-мужчина. Это подводит нас к даосскому Владыке Солнца. Вместе с восемью другими светилами он управляет судьбами смертных, и его иногда называют «Богом Солнца» или «Богом Дня».

— Однако ритуал на этой фреске выглядит гораздо более древним, в нём чувствуется дух первобытных жертвоприношений.

— Хорошо, похоже, ты уже исключила два неверных варианта, — сказал Фу Ю. — Так каков же правильный ответ?

— Дун-цзюнь.

А Си медленно произнесла это незнакомое имя.

— Так называли бога солнца жители царства Чу более двух тысяч лет назад. В «Девяти песнях»

можно найти оды, посвящённые ему. В них поётся о боге солнца Дун-цзюне, который под звуки музыки и ритуальных танцев шаманок, в своей драконьей колеснице разгоняет тьму и звёзды, неся миру свет.

— Его образ благороден и величественен, но в то же время он — могучий бог войны, — палец А Си очертил в воздухе траекторию на фреске. — Посмотрите, вот его натянутый лук, стрела направлена на северо-запад, на звезду Сириус — зловещую звезду, символизирующую войну и бедствия, которую часто использовали для обозначения вражеских племён.

Слушая её рассказ, Се Юньчжу взглянул на фреску по-новому. Теперь он видел в ней нечто большее. Это было не просто жертвоприношение и призыв божества, а, возможно, мобилизация перед великой битвой. И музыка, которую играли музыканты, была, вероятно, не умиротворяющей, а грозной и воинственной.

— Раз уж мы определились, что это Дун-цзюнь, то можем более целенаправленно готовить подношения, — сказал Фу Ю. — Что обычно использовали в жертвоприношениях царства Чу?

А Си начала загибать пальцы:

— Если исключить цветы и музыкальные инструменты, то остаются изысканные вина, роскошные одеяния, яшмовые украшения различных форм, мясные жертвы... хм, в общем-то, и всё.

Се Юньчжу вздохнул:

— У меня уши устали, пока я это слушал.

Устали или нет, а готовиться было нужно. Было уже больше двух часов дня, и троица отправилась в обратный путь. Им предстояло не только собрать возможные ритуальные предметы, но и найти музыкальные инструменты.

Настоящий мастер может извлечь прекрасную музыку из чего угодно — из листа дерева, пластикового ведра или нескольких резинок. Но Се Юньчжу музыкальным талантом не обладал, поэтому он ограничился тем, что нашёл несколько стеклянных стаканов и наполнил их водой до разного уровня. У Фу Ю оказался идеальный слух, он помог ему настроить инструмент, и Се Юньчжу принялся выстукивать по стаканам палочками.

Он мысленно напевал единственную известную ему мелодию и старательно выводил на стаканах рваную версию «Ласточки». Фу Ю, подперев подбородок рукой, слушал его, и улыбка на его лице постепенно угасала.

— Мастер, ты ведь в курсе, что Великая Шаманка просила «прекрасные звуки музыки»? От твоей мелодии уши вянут. Боюсь, так ты призовёшь разве что злого бога...

Се Юньчжу и сам понимал, что звучит ужасно. Лишь из его рюкзака донёлся восторженный голос:

— Как красиво!

У Се Юньчжу уже раскалывалась голова. От жары и раздражения он схватил стакан и отпил воды. Фу Ю тут же возмутился:

— Не смей пить! Ты же выпил «до» и превратил его в «ми»!

Тем временем А Си изучала соню. У неё были некоторые познания в народной музыке — она немного играла на флейте, пипе и гуцине, но на соню играла впервые. Надув щёки докрасна и задрав голову, она с огромным усилием издала длинную серию пронзительных, режущих слух звуков.

Фу Ю в отчаянии зажал уши.

— Вы что, решили довести меня до смерти, чтобы потом справить по мне поминки?

Кто бы мог подумать, что всемогущая троица потерпит фиаско в такой мелочи. Учителю Фу, преисполненному отчаяния, ничего не оставалось, как поделиться всеми своими знаниями в надежде хоть чему-то научить этот дуэт «дракона и феникса» до наступления темноты.

— Кстати, а что будешь делать ты? — спросила А Си, заметив, что у него до сих пор нет инструмента, а времени оставалось всё меньше.

— Обо мне не беспокойтесь, — Фу Ю помахал деревянной ложкой. — Лучше свою мелодию репетируй.

Он действительно был талантлив. Даже набросал для них простую партитуру. Мелодия была древней, плавной, элегантно и торжественной. Фу Ю отбивал для них ритм на пластиковом ведре, и в этом звуке и впрямь было что-то от величественного звона древних колоколов.

Около десяти вечера они, с наспех собранными ритуальными предметами и свежеприобретёнными музыкальными навыками, вернулись к алтарю.

Все остальные уже были на месте. Не хватало лишь Лян Юэ, новичка, который сошёл с ума после нападения монстра из кишок и лишился божественного света.

Лян Юэ, каким бы невменяемым он ни был, вряд ли покинул бы алтарь по своей воле. Его исчезновение наводило на размышления — возможно, алтарь не был таким уж безопасным местом, и, лишившись божественного света, они могли быть бесшумно поглощены этим миром.

Однако, к удивлению Се Юньчжу, остальные восемь чистильщиков были живы и выглядели вполне неплохо. В центре их группы стояла девушка-новичок по имени Сяо Ту.

— Ого, а вы, я смотрю, подготовили много интересного, — с присущей ему лёгкостью поприветствовал их Фу Ю.

— Ну, я же была стримером, так что в этом я разбираюсь, — Сяо Ту моргнула своими огромными, тщательно покрашенными глазами и продемонстрировала Фу Ю самодельные музыкальные инструменты: маракасы из яичной скорлупы, струнный инструмент из резинок, ударную установку из вёдер и жестяных банок, а также водяные ксилофоны и флейты Пана из бумажных трубочек...

Оказалось, что после ухода троицы утром Сяо Ту тоже пришла в голову идея сделать инструменты своими руками. Остальные восемь человек совершили лишь короткую вылазку в ближайšie руины, собрали материалы и вернулись на алтарь, где занялись рукоделием. В отличие от троицы, совершившей долгое путешествие, они хорошо отдохнули и были в прекрасном расположении духа.

Се Юньчжу нахмурился:

— Значит, вы недолго отсутствовали на алтаре. Почему же Лян Юэ исчез?

— Мы с Сяо Ту вернулись первыми, где-то в десять утра, но Лян Юэ уже не было, — почесал затылок парень Сяо Ту, Хэй Бэй. — Не ожидал, мастер, что ты такой человечный!

В мире, где каждый сам за себя, только он беспокоился о товарище. Поистине, внешность обманчива!

Се Юньчжу проигнорировал его. В этом зловещем и мрачном мире беспричинное исчезновение товарища было крайне пугающим событием. Другие ветераны тоже втайне беспокоились. Сун Цзымин предупредил всех:

— Если увидите Лян Юэ, особенно одного, не приближайтесь к нему и не верьте ни единому его слову.

— А, почему? — опешил Хэй Бэй. — Разве мы не должны помогать друг другу?

— Дурак! — Сяо Ту дёрнула парня за ухо. — Потому что это может быть уже не тот Лян Юэ, которого мы знаем!

Новички наконец всё поняли, и по их спинам пробежал холодок.

Се Юньчжу обвёл взглядом присутствующих с их встревоженными лицами.

— С сегодняшнего дня во время сна обязательно выставляем дежурных.

С этим, разумеется, никто не спорил. К счастью, их было одиннадцать человек. Разделившись на группы по двое-трое и дежуря по полтора часа, они вполне могли пережить «ночь».

Обсудив и составив график дежурств, они дождались полуночи. Великая Шаманка, как обычно, начала принимать их труды. Но на этот раз её требование превзошло все ожидания.

Она потребовала:

— Исполните для меня ритуальную песнь, улаждающую богов.

Все чистильщики замерли. Они думали, что достаточно просто отдать инструменты, но кто бы мог подумать, что им придётся ещё и играть! Да и что это за «ритуальная песнь, улаждающая богов»?!

Никто не решался ответить. Взгляд Великой Шаманки скользил по лицам лже-верующих, словно вязкая смола, оставляя за собой удушающее чувство давления.

В этот момент Фу Ю тихо вздохнул.

— Я попробую.

Он шагнул вперёд, сжимая в одной руке пластиковое ведро, а в другой — деревянную ложку с длинной ручкой. Сев прямо на землю, он начал ритмично стучать по ведру и запел:

— Солнце взойдёт на востоке, озарит мой порог у тутового древа. Я придержу своих коней, поеду неспешно, ночь светла, уже рассветает...

Его голос был чистым и мелодичным, глубоким и звучным. Древняя ритуальная песнь, сопровождаемая летящими искрами костра, казалось, устремлялась прямо в небо, чтобы донести до божественного владыки скромную радость и благоговение смертных.

Великая Шаманка медленно двинулась с места. Её ноги в такт песне начали отбивать странный ритм, конечности изгибались под невыносимыми углами. Она начала танцевать! Все яшмовые украшения на её одеянии зазвенели, длинные широкие рукава взметались, словно крылья гигантской птицы, готовой к полёту.

— Неудивительно, что он днём просил у меня слова из «Дун-цзюня», — прошептала А Си, —

поёт-то он и вправду неплохо...

Се Юньчжу, понаблюдав пару секунд, тоже сел, скрестив ноги, и под аккомпанемент мастера начал стучать по своим стаканам. А Си отреагировала не медленнее: вытащила свою соню и попыталась влиться в их импровизированный ансамбль.

— Ди-ду-у-у-у-у-у!

Когда раздался мощный звук соны, весь алтарь обернулся в её сторону. Даже Великая Шаманка на мгновение замерла и бросила на неё взгляд.

На лбу Фу Ю вздулась вена, но, к счастью, он был уже морально готов к музыкальным способностям своих товарищей. Не сбившись с ритма, он лишь усилил голос, пытаясь заглушить этот безнадежный звук.

Но тут к «оркестру» неуклюже присоединились остальные восемь человек. Диссонансные, скрипучие и хаотичные звуки, у каждого из которых была своя собственная мелодия и цель, едва не отправили Фу Ю на тот свет. Тело Великой Шаманки извивалось так, словно вот-вот завяжется в узел, но благоговение перед богом не позволило ей остановиться. Она лишь решительно шагнула ближе к Фу Ю, ещё и ещё.

Было очевидно: если пение Фу Ю — это воды Жёлтой реки, что спускаются с небес, то аккомпанемент — это селевой поток, сметающий всё на своём пути, сброс промышленных отходов и наводнение, несущее гибель всему живому... И среди всего этого хаоса самым бесстыдным и громким был голос соны А Си, который звучал так, словно на похоронах начался пир.

Наконец, Великая Шаманка добросовестно завершила свой ритуальный танец, и самодеятельный оркестр с облегчением замолчал. Наступила пронзительная тишина. Великая Шаманка долго молчала, и все с тревогой сглотнули.

А Си, вытерев пот со лба, прошептала Се Юньчжу:

— Подумать только, к какому уровню она привыкла... Неудивительно, что она в ярости...

И добавила:

— Смотри на Фу Ю, он от злости даже ведро пробил.

— ...

Се Юньчжу надел солнцезащитные очки, отказавшись от созерцания этого мира, и поднял

взгляд к солнцу. «Если Дун-цзюнь действительно существует, он не может не отреагировать на этот уникальный концерт».

Неизвестно, показалось ему или нет, но солнце, казалось, слегка дрожало. Однако дрожь была настолько слабой, что её можно было списать на искажение воздуха от жары.

Великая Шаманка тоже смотрела вверх, но её тяжёлая бронзовая маска скрывала выражение лица, не давая угадать её мысли.

— Божественный свет! Он снова стал ярче!

— Отлично, мы прошли! — внезапно раздался чей-то радостный крик. Все взволнованно начали проверять знаки на своих лбах и обнаружили, что у Фу Ю он самый яркий, а у А Си — самый тусклый. Все безоговорочно признали — у Бога Солнца хороший вкус, да к тому же он справедлив и беспристрастен!

В этот момент Великая Шаманка тихо заговорила, объявляя задание на четвёртый день:

— Ступайте. И принесите мне идола еретического бога.

<http://bllate.org/book/15884/1582165>